

А. М. Галинова

**ПЕТЕРБУРГ, ВЫБОРГ, НОВГОРОД НАЧАЛА XIX в.
ГЛАЗАМИ АДЕЛАИДЫ ФОН ХАУСВОЛЬФ**

Интерес к России в начале XIX в. со стороны иностранцев был чрезвычайно велик. Как следствие, исторической науке известно множество появившихся в то время зарубежных источников различных жанров, посвященных различным сферам жизни в России. Однако среди них до сих пор имеются малоизвестные и еще не изученные тексты. К их числу принадлежит и дневник, послуживший материалом для данной статьи, а именно: дневник Аделаиды фон Хаусвольф — шведской девушки девятнадцати лет, пожелавшей разделить с отцом, майором Густавом фон Хаусвольфом, тяготы жизни в российском плену в 1808–1809 гг. Данный источник был полностью опубликован на шведском языке в 2007 г.¹ Рукопись дневника хранится в Королевской библиотеке (Kungliga biblioteket) в Стокгольме (Швеция). В настоящее время ведется подготовка к публикации перевода дневника на русский язык. В 2009 г. в «Новгородском архивном вестнике» опубликован перевод так называемой «новгородской» части дневника, т. е. периода с 14 августа 1808 г. по 4 января 1809 г., прожитого А. Хаусвольф и ее отцом в Новгороде².

Не вызывает сомнения тот факт, что дневники — одни из наиболее достоверных источников, как исторических, так и лингвистических. Они относятся к сфере неформального общения (как правило, к автокоммуникации, реже — к межличностной

коммуникации), из чего следует, что содержащиеся в них данные отличаются экспрессией, не характерной для официальных текстов.

Среди достаточно большого количества известных дневников и путевых заметок иностранцев, посвященных России, дневник Аделаиды фон Хаусвольф занимает особое место в силу двух основных причин.

Во-первых, с точки зрения жанровой принадлежности сочинение А. Хаусвольф по сути представляет собой дневник-письмо. Адресатом дневников в их классическом понимании является сам автор, а не иное лицо, как в случае с письмом. В роли одного из адресатов Аделаиды выступает ее подруга Жанетта фон Терне, которой она, отправляясь в Россию с отцом, пообещала записывать происходящие события. Вторым адресатом дневника является сама автор.

Во-вторых, большинство иностранных авторов начала XIX в., перу которых принадлежат сочинения о России, могут быть названы «туристами». Другими словами, их приезд в Россию был, как правило, обусловлен личным интересом к жизни страны. В случае с А. Хаусвольф все обстоит несколько иначе. Будучи крепко привязана к отцу, она не пожелала оставить его в столь сложной ситуации, и, проявив стойкость и твердость характера, настояла на том, чтобы отправиться в путь вместе с ним: «Со слезами на глазах я умоляла его взять меня с собой. Уговорить его было непросто, но после моих настойчивых требований и доводов о том, что я не могу с ним разлучиться, поскольку он уже много лет был очень болезненным (кроме многих других, приведенных мною резонов), он исполнил мое желание». О том, что девушке непросто далось ее решение, свидетельствуют и другие ее слова: «Мне тяжело было покидать моих друзей, которые с сожалением разлучались со мной».

Основное внимание А. Хаусвольф, судя по тексту ее дневника, сосредоточено на трех российских городах, где она провела наиболее длительное время: на Новгороде, Выборге и Петербурге. В Новгороде автор и ее отец прожили, как было отмечено, с 14 августа 1808 г. по 4 января 1809 г., в Выборге — с 27 по 31 июля 1808 г. и с 15 января по 28 марта 1809 г., в Петербурге — с 6 по 12 августа 1808 г. и с 6 по 13 января 1809 г. Кроме трех указанных городов,

девушка нигде не находилась дольше чем в течение ночи или нескольких часов.

Примечательно, что об остальных населенных пунктах, в которых Аделаида останавливалась на ночлег или которые проезжала мимо, она почти ничего не рассказывает. При этом приграничные российские крепости и деревни непременно упомянуты ею с названиями (Кюммене, Хёгфорс, Котка, Фридрихсгам, Питтерлакс, Кюроля, Валкьясари, Паркала и др.), а исконно русских топонимов в тексте дневника практически нет. Малочисленные исключения составляют Царское Село и Сестрорецк. По всей видимости, этот факт обусловлен сложностью восприятия шведским языковым сознанием А. Хаусвольф русскоязычной топонимики. В связи со сказанным дневник изобилует конструкциями вроде: «Мы остановились в большой деревне», «На ночлег расположились в одной деревне», «Мы позавтракали и согрелись в одной деревне», «Переночевали на ближайшей от Выборга станции», в которых автор, очевидно, сознательно избегает названий.

Сопоставление данных Аделаидой описаний трех указанных городов позволяет получить четкое, правдивое представление о ее впечатлении от каждого из них.

С целью получения более объективных образов Новгорода, Петербурга и Выборга глазами А. Хаусвольф необходимо рассматривать не только содержащийся в дневнике фактический материал, но и лексический компонент, о роли которого в дневнике следует сказать несколько слов отдельно. Очевидно, что эта роль велика, поскольку лексика всегда сознательно отбирается автором текста и ориентирована на адресата, или, как в данном случае, на адресатов. Интересно, что в описаниях мест, людей и событий, вышедших из-под пера шведки, практически отсутствует стилистически нейтральная лексика. На наш взгляд, это далеко не в последнюю очередь обусловлено гендерно-возрастными особенностями автора.

Переходя непосредственно к изображению указанных городов в дневнике Аделаиды, отметим, что для нее целостная картина города складывается не только из описания его внешнего облика, но и «внутреннего», т. е. живущих в нем людей. Именно на этих двух составляющих она наиболее подробно и останавливается, повествуя о Новгороде, Петербурге и Выборге.

По хронологии событий, о которых повествует дневник, первым городом, описанным Аделаидой, является Выборг. Из трех городов, рассматриваемых в данной статье, именно Выборг произвел на Аделаиду наиболее благоприятное впечатление. Не исключено, впрочем, что для этого имелась и субъективная причина. Так, А. Хаусвольф пишет: «Он (Выборг. — А. Г.) представлял для нас интерес, памятуя о том, что он — один из древних шведских следов».

Итак, автор отмечает, что «город довольно хорошо построен», «большинство улиц широкие», «многие каменные дома имеют красивые балконы». Очевидно, что Выборг удостоился самых лестных отзывов А. Хаусвольф, когда она увидела «ухаженный парк», «длинный хорошо построенный мост», «красивейший деревянный дом», «превосходные воспитательные учреждения». Особый восторг девушки вызвал Монрепо, являющийся, по ее словам, «вершиной роскоши и великолепия». В этом «очаровательном месте» взору Аделаиды предстали «живописные холмы», «прекрасная садовая терраса», «великолепная оранжерея» и «превосходный дворец».

Жители Выборга так же, как и сам город, произвели на автора дневника более благоприятное впечатление, чем новгородцы и петербуржцы. Она отмечает: «В Выборге ни у знатных, ни у простолюдинов не увидишь и следов высокомерия».

Впечатления А. Хаусвольф от Выборга не отличаются разнообразием и сводятся в основном к восторгу, поэтому подробнее на них останавливаться нет необходимости.

В Петербурге Аделаиде довелось провести всего две недели — одну на пути в Новгород, другую — на обратном пути в Выборг. Несмотря на столь недолгое пребывание, она успела многое увидеть и получила массу впечатлений, о чем свидетельствует как содержание, так и объем записей в ее дневнике. Заметки, сделанные в Петербурге, — наиболее длинные. Петербург показался Аделаиде «неописуемо большим городом», а почти все его улицы — «очень широкими».

Впечатления А. Хаусвольф от Петербурга можно условно разделить на три группы. Первая и самая многочисленная — впечатления от увиденных достопримечательностей, вторая — впечатления от посещения рынка и магазинов и третья — впечатления об окружающих людях. Остановимся на каждой из трех групп подробнее.

Ввиду изобилия в Петербурге достопримечательностей Аделаида за две недели успела увидеть их не меньше, чем в Новгороде и Выборге за несколько месяцев.

Девушке довелось посмотреть Смольный: «Смольный выглядит большим и просторным, у него построена колоннада». Но больше всего ее поразило не внешнее обличье Смольного. Она отмечает: «Я достоверно знаю, что бедные не платят ни за прием, ни за одежду — никаких расходов. Они бесплатно учатся всему, что требуется для совершенного воспитания. Учреждение превосходно».

Находясь в Петербурге, невозможно не обратить внимания на дворцы. Не стала исключением из этого правила и Аделаида. Первый из описываемых ею дворцов — Таврический: «Изнутри замок великолепен, хотя снаружи не слишком украшен. Большая гостиная, украшенная большим количеством картин... многочисленные зеркала, великолепная люстра... Все остальные комнаты также роскошны, украшены многими дорогими картинами и другими драгоценностями... Сад большой и красивый».

Удостоился внимания автора и Михайловский замок, который она называет Михайловским дворцом или Павловским замком. Она пишет: «Замок находится на острове, окруженном каналами, по две стороны — два сада, называемых Летними променадами. Отсюда видна красивейшая часть города. Дворец светло-красного цвета, он хорошо построен, с картинами на потолке, небольшой позолоченной башней или шпилем и позолоченным флагштоком. Все прочие здания замка того же цвета. Перед входом в замок стоит бюст царя Петра Первого верхом».

Любимым дворцом девушки стал Мраморный дворец. Она отметила, что он, «несомненно, красивейший в Петербурге».

Главного дворца — Эрмитажа — Аделаиде увидеть не довелось. Причина кроется в визите в Петербург короля Пруссии Фридриха Вильгельма III и его супруги королевы Луизы. Она пишет: «Эрмитаж — великолепный дворец... Королевская чета будет жить в Эрмитаже, что, к нашему большому огорчению, препятствует тому, чтобы мы осмотрели этот великолепный дворец».

Еще один любопытный факт, касающийся петербургских дворцов: «...кое-что типичное для Петербурга: во многих частных дворцах есть окна из цельного куска шлифованного зеркального

стекла. Это очень дорого и красиво. Но я удивленно наблюдала тут и там уродливый контраст, поскольку не все окна дворца были сделаны из подобного стекла».

Помимо дворцов, Аделаида увидела в Петербурге и несколько церквей, наиболее подробного описания удостоился Казанский собор, строительство которого в 1809 г. еще не завершилось: «...церковь... очень большая и многообещающая... внутри... не готова — лишь 50 больших великолепных колонн из шлифованного гранита». Названий прочих церквей А. Хаусвольф не приводит, делая о них краткие заметки: «Церковь... в одном углу дворца (Таврического. — А. Г.) ...пленительно красива», «Церковь была ужасно красивой. Великолепные картины украшали потолок, как и огромная люстра».

В то же время девушка нашла у церквей Петербурга, как и у дворцов, серьезный изъян, о котором она пишет так: «У всех церквей, которые я видела, кроме Казанской (Казанский собор. — А. Г.), я не нашла различий, кроме как в роскоши и богатствах, составляющих главное желание русских». В одной из церквей А. Хаусвольф поразила «...неприятная перегруженность богатствами».

Крайне лестного отзыва автора удостоилась Опера: «Проехав... 7 верст мимо великолепных дворцов, по красивым мостикам... вдоль очень широких улиц, мы прибыли в большой и красивый дом оперы. Театр, делившийся на ложи, напоминает театр в Стокгольме». Текст дневника свидетельствует о том, что Аделаида была патриоткой и все шведское казалось ей лучшим. Именно по этой причине сравнение Оперы с театром Стокгольма может быть расценено как наивысшая похвала. Автору довелось посетить маскарад в Опере, от которого у нее остались приятные впечатления: «Освещение от маленьких настенных светильников было приятным. Музыка была превосходна. Роговая музыка — лучшее, что я слышала в жизни. Она красива, выше всяких похвал».

Еще одна вскользь упомянутая достопримечательность — царская библиотека, о которой А. Хаусвольф отметила лишь то, что она «располагается в великолепном доме».

Вторая группа впечатлений Аделаиды связана с торговлей в Петербурге. Как следует из дневника, торговля велась как в специально отведенных для этого местах, так и вне них.

Главное место торговли — рынок, о котором автор пишет следующее: «Рынок точно занимал 3–4 квартала, я смею утверждать, что это место столь же велико, как целый Хельсинки... Там есть все на свете, и товары с величайшей привлекательностью упрямо предлагаются прохожим... Я нахожу устройство рынка большим и великолепным, к тому же, опрятность превосходит всякие ожидания».

Помимо рынка, Аделаида побывала в двух магазинах. Первый — английский, о котором в дневнике написано: «Он по праву именуется магазином — большего запаса великолепных вещей наверняка нет в целом мире. Бесподобны вкус и роскошь, с которыми украшены сами комнаты». Посетила она и «другой магазин, не очень большой, но элегантный и устроенный с величайшим тщанием».

А. Хаусвольф поразило в Петербурге то, что приобрести продукты можно практически в любом месте: «...люди, не сделав ни шагу за дверь, покупают всевозможную еду, фрукты и сладости. На длинных подставках все это мужчины несли на голове. Подставка выглядит как наш ящик для сушки, а под мышкой у них складной стул. Таким образом они ходят целый день и кричат о своих товарах, которые довольно дешевы». Девушка была приятно удивлена и круглогодичным разнообразием предлагаемых продуктов: «Сейчас (январь 1809 г. — А. Г.), как и летом, предлагаются к продаже такие продукты, как свежие овощи, виноград, астраханские и всевозможные фрукты в изобилии».

Интересным оказался девушке «ритуал» торга: «Я научилась тому, как нужно торговаться с русскими: когда они называют цену, нужно отвечать — дорого. С этого начинают, потом они в ответ называют другую цену, немного ниже. Так следует продолжать, пока товар не будет продан за половину, а иногда и за четверть затребованной суммы».

Ввиду краткости периода, проведенного Аделаидой в Петербурге, она не успела завести столь же близких знакомств, как в Новгороде и Выборге. Поэтому заметок о петербуржцах в дневнике немного. Так, автор пишет: «Неопрятные люди живут вокруг нас». Положительный отзыв получил лишь незнакомый «учтивый господин», который помог Аделаиде совершить покупки, отправившись с ней на рынок. Ранее уже

говорилось о том, что девушку неприятно поразило стремление русских к роскоши. Эта идея повторяется несколько раз: «Я изумляюсь при мысли о тщеславии, насаждаемом здесь в большом и малом», «Я покинула эти скопления излишества (магазин. — А. Г.), желая, чтобы их стоимость разделили между бедняками этой страны, которые сейчас, несомненно, замерзают и голодают».

В то же время в тексте дневника прослеживается явная симпатия Аделаиды к членам императорской семьи. Повествуя о Смольном, она пишет: «...самое удивительное, что столь почитаемая всеми вдовствующая императрица **сама с величайшей нежностью, по-матерински** (выделено нами. — А. Г.) заботится о воспитанницах и часто собственноручно поощряет их». Удивило девушку и то, что «Император... всегда ездит по-просту». При этом она не упустила случая еще раз подчеркнуть стремление русских к роскоши: «Полагаю, что жители страны недовольны этим. Их склонность к внешним эффектам проявляется во всем».

Итак, впечатления автора от Петербурга не столь однозначны, как от Выборга. Тем не менее ключевые слова, используемые ею по отношению к Петербургу — «красивый», «великолепный», «превосходный», «большой», «широкий», свидетельствуют о том, что этот город, несомненно, пришелся Аделаиде по душе.

Новгороду повезло меньше. Первое, что замечает А. Хаусвольф, подъезжая к нему, — то, что «издали... город... казался прекрасным». К сожалению, это единственная позитивная ремарка относительно внешнего облика Новгорода. Еще одной, весьма сдержанной похвалы автора удостоился зимний дворец митрополита. Этот дворец, по ее словам, «единственное приличное здание в городе». Чуть ранее она отметила, что, несмотря на проделанный ею длинный путь по Новгороду, она не увидела «ни одного порядочного дома, ни каменного, ни деревянного».

Ранее уже велась речь о практически полном отсутствии в тексте нейтральных замечаний. К числу таковых о Новгороде относится, например, констатация того факта, что здесь «...огромное количество церквей». Большинство же лексических единиц, используемых А. Хаусвольф для описания Новгорода, имеют негативные коннотации. Свою оценку автор дает, как

правило, при помощи качественных прилагательных в оценочном значении, которыми снабжено большинство существительных. Так, взору девушки предстали «жалкий бревенчатый настил», «старые обветшалые дома», «убогая крепость», из чего она делает вывод, что «город — разорен временем».

Наиболее часто употребляющаяся Аделаидой лексическая единица при описании Новгорода — существительное «грязь» и производные от него. Вот лишь несколько примеров того, что заметила девушка: «грязные улицы», «грязный рынок», «скверные и грязные простолюдины», «бревенчатые настилы и грязь», «грязная вода из ямы, которую мы постоянно вынуждены пить и готовить на ней еду», «я увязла в грязи», «улицы никогда не чистят и на них выбрасывают все», «грязь по ним течет потоками». В оправдание города стоит напомнить о времени года, когда девушка жила в Новгороде. Это была осень, а осенью грязь, учитывая географическое положение города и климатические особенности, неизбежна. Неудивительно, что Новгород произвел на А. Хаусвольф «крайне неприятное впечатление», показавшись ей «дырой, находящейся в упадке».

Если о внешнем облике Новгорода Аделаида судит довольно категорично, то ее мнение о новгородцах весьма противоречиво.

С одной стороны, жители Новгорода столь же неприятны автору дневника, сколь и сам город. Об этом свидетельствуют следующие слова А. Хаусвольф: «почти все тучные, глупые, наглые, любопытные и нахальные», «лень — главный порок горожан», «пьянство, драки, недружелюбие и грязь — ключевые черты повседневной жизни», на похоронах «все притворяются плачущими и стенающими». По мнению юной шведки, притворство присуще весьма многим жителям Новгорода. Кроме упомянутой неискренности на похоронах, она отмечает «неестественную походку мещанок», тот факт, что «здороваются церемонно и изощренно».

Но, с другой стороны, почти все люди, с которыми А. Хаусвольф довелось познакомиться поближе, за редким исключением, удостоились ее похвалы. К ключевым чертам своих новгородских знакомых девушка относит вежливость и доброжелательность, награждая их следующими эпитетами: «приветливая девушка», «добрая старушка», «губернатор учтивый, сдержанный... вежливый, с интеллигентной внешностью», «учтивый господин губернский

предводитель», «вежливая настоятельница», «хозяин приятный и любезный... необычайно добр и вежлив», «старик... от души рад и доброжелателен».

Однако не все знакомые Аделаиды импонируют ей. Она отметила, в частности, что «квартирмейстер пьянствует и каждый день устраивает скандалы», а хозяйка дома, где она жила, — «резкая и невежливая женщина», которой свойственны «капризы и высокомерие».

Любопытно, что небогатые новгородцы произвели на девушку более благоприятное впечатление, чем состоятельные. Она указывает, например, на «удивительную вежливость и учтивость бедных людей по отношению друг к другу». Богатые же послужили предметом критики А. Хаусвольф: «у богатых людей — грязная, рваная и грубая скатерть, повсюду царил беспорядок».

Известно, что женщины-авторы обращают внимание на вещи, не интересующие мужчин, в силу чего дневник женщины дополняет картину, изображаемую в дневниках мужчин. Так, в рассматриваемом дневнике, в отличие от воспоминаний о Новгороде современников мужчин Аделаиды, подробно описана одежда новгородцев. Автор дневника относится к ней неоднозначно, как, впрочем, и к самому городу и к его жителям.

На первых же страницах дневника, посвященных Новгороду, автор упоминает о «в высшей степени странной манере одеваться», из-за чего «женщины со спины... не похожи на людей». Наряд женщин, по мнению девушки, «чрезмерно тяжелый и неудобный». Аделаида была поражена, увидев «большие муфты без шуб или другой верхней одежды, только с большими шальями и накидками, из-за чего получается нелепый контраст».

Неприятное впечатление, которое произвел на А. Хаусвольф Новгород, усиливается, если ознакомиться с приведенными выше описаниями Выборга и Петербурга, содержащимися в дневнике.

Контраст между описаниями Новгорода, Выборга и Петербурга, к сожалению, еще раз подчеркивает тот факт, что в начале XIX в. Новгород, должно быть, переживал не лучшие времена. Тем не менее справедливым будет замечание, что Аделаида, по ее собственным словам, «довольно счастливо провела время в Новгороде».

Сведения о российских городах, содержащиеся в дневнике А. Хаусвольф, дополняют и уточняют уже известные данные

других заметок, принадлежащих перу современников девушки (Ж. де Сталь, А. де Кюстину, Ф. Гагерну, Ф. Ансело, И. Г. Зейме, Й. Бару и др.). Следует еще раз подчеркнуть, что во многом именно благодаря иностранным нарративным источникам, или текстам повседневности, к числу которых принадлежат дневники и письма, мы имеем возможность взглянуть на нашу страну, русский народ, его нравы и традиции со стороны, тем самым получив объективный и многогранный образ России.

¹ Adelaide fon Hauswolf. *Journal hållen under resor i Ryssland då jag följde min far i hans fångeskap 1808–1809*. Uddevalla, 2007.

² Из дневника Аделаиды Хаусвольф (перевод А. М. Галиновой под ред. Г. М. Коваленко) // Новгородский архивный вестник. 2009. № 8. С. 16–48.